
ВАЛЕРИЙ СНАТКИН
НАЗАД В СССР:
ФАРЦОВЩИК
ТОМ 3

Валерий Снаткин
Назад в СССР: Фарцовщик. Том 3

https://litres.ru/74727354
SelfPub; 2026

Аннотация

1979 год. До Олимпиады-80 меньше года, и ставки выросли до общесоюзного масштаба. Провинциальный Ленинград позади. Я — Александр Орлов, чиновник союзного Оргкомитета Игр, а на Лубянке мое кодовое имя «Эксперт» знают в кабинетах высшего генералитета КГБ.

Наш синдикат заходит в Москву. Под прикрытием олимпийских фондов мы разворачиваем первую в стране сеть элитарных видеосалонов и ночных клубов в гостиницах «Космос» и «Международная». Обороты исчисляются сотнями тысяч инвалютных рублей, а клиентами становится золотая молодежь Смоленской площади.

Но столица играет грязно. Мне противостоят акулы из ЦК КПСС, министерские кланы и высокопоставленные мажоры. Когда через международный караван финских фур «Совтрансавто» пойдет золото внешней торговли, мне придется вести партию на грани фола. У закупщика из будущего нет права

на ошибку — на кону Лефортово или абсолютная теневая власть над СССР.

Содержание

Пролог. Красная стрела на Москву. и Дисклеймер	5
Глава 1. Столичный калибр	10
Глава 2. Московские мажоры и космические масштабы	16
Глава 3. Премьера на Горького	21
Глава 4. Идеологический капкан	25
Глава	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Снаткин
Назад в СССР: Фарцовщик. Том 3

Пролог. Красная стрела на Москву. и Дисклеймер

Внимание! Данное произведение является художественным вымыслом в жанре альтернативной истории. Все персонажи, события, наименования организаций, ведомственных структур и коммерческих схем вымышлены. Любое совпадение с реальными историческими лицами или событиями является случайным.

Автор не преследует цели оскорбить чьи-либо чувства, не пропагандирует употребление табачной и алкогольной продукции, а также не призывает к нарушению законодательства. Упоминание предметов и явлений эпохи служит исключительно для создания художественной атмосферы времени. 16+

Тяжелый ночной экспресс «Красная стрела» мерно и глухо постукивал колесами на стыках рельсов, разрезая гу-

стую, промозглую октябрьскую темноту где-то на границе Ленинградской и Калининской областей. За окнами купе СВ проносились редкие, размытые огни глухих полустанков, но внутри царила атмосфера дорогого номенклатурного уюта — мягкие бархатные диваны, тяжелые суконные шторы и тусклый, янтарный свет бра, покачивающийся в такт движению поезда.

Александр Орлов сидел у окна, лениво помешивая ложечкой крепкий чай в фирменном подстаканнике Николаевской железной дороги. На нем были дорогие заграничные брюки и тонкий шерстяной джемпер, купленный на закрытой базе «Ленгосторга». Внутренний директор по логистике и закупкам из 2026 года внутри него сейчас работал на предельной частоте, анализируя баланс активов.

Жесткая подпольная борьба в Ленинграде осталась позади. Спекуляция часами и помадами в институтских туалетах превратилась в легализованную торговую систему олимпийского масштаба. Капитан ОБХСС Громов навсегда изолирован в спецлечебнице, банда Валика-Мордвина стерта с черного рынка силами Комитета, а зеленогорский хаб «Олимп-80» получил статус неприкосновенного государственного объекта.

Напротив Александра, поджав под себя ноги, сидела Галина Свиридова. В полумраке купе от неё тонко пахло французскими духами *Climat*, а её пальцы бережно поглаживали пухлую кожаную папку, лежавшую на коленях. В этой пап-

ке, замаскированные под отчетность комсомольского лектория, ехали первые сорок тысяч чистых, легализованных советских рублей и официальные спецификации на трехмиллионные контракты с финскими фурами «Совтрансавто».

— Саш… Мне до сих пор не верится, что мы уехали, — тихо, чтобы не разбудить спящего на верхней полке соседнего купе Кольку Смирнова, произнесла Галя. Она подняла на него свои карие глаза, в которых строгость комсомольского лидера окончательно уступила место безграничной преданности. — В Питере у нас было всё под контролем. Папа в Исполкоме, Седов на Литейном… А Москва? Москва ведь огромная, чужая. Там министерства, Главки, ЦК… Говорят, на Смоленской площади чиновники чужаков живьем съедают.

Александр плавно перехватил её прохладные пальцы, заставив Галину улыбнуться. Его сорокалетняя харизма лидера XXI века действовала на неё как абсолютный стабилизатор рисков.

— Москва не чужая, Галочка. Москва — это просто рынок с более высоким чеком и большими объемами потребления, — ровным, ледяным тоном закупщика произнес Александр, глядя на отражение сталинских высоток, рождавшееся в его воображении за темным стеклом вагона. — В Ленинграде мы построили розничную модель и проверили цепочку поставок. Теперь пришло время масштабировать бизнес на общесоюзный уровень. Лукьянов из Госснаба сообщил о

моем назначении, а майор Седов, которого тоже переводят в центральный аппарат Лубянки, обеспечит нам безопасность периметра. Мы заходим в столицу не как просители. Мы заходим как монополисты олимпийского импорта.

Вдруг поезд начал плавно замедлять ход, протяжно и глухо завывая тормозными колодками по обледенелому железу. За окном сквозь редеющий туман поплыли массивные, освещенные неоном платформы Ленинградского вокзала столицы. На часах было ровно восемь утра. Начинался 1979 год. До Олимпиады-80 оставались считанные месяцы.

Александр подхватил тяжелый кожаный портфель, помог Галине накинуть модное меховое пальто и вышел в тамбур, где уже заспанный, но деловитый Колька Смирнов судорожно проверял, надежно ли упакованы в коробки две новые импортные видеокассеты *Sony Betamax*, привезенные из Выборга.

Дверь вагона с шипением открылась, впустив в тамбур резкий, морозный воздух зимней Москвы.

Александр первым ступил на перрон. Столица встретила их шумом сотен голосов, гудками локомотивов и суетой командировочных. Но прямо у выхода из вокзального павильона, на запретной для обычного транспорта спецполосе, Александра уже ждал первый столичный маркер его нового статуса.

Там, лениво поблескивая лаком под блеклым московским солнцем, стояла длинная правительственная черная «Чай-

ка» ГАЗ-14 с номерами Управления делами ЦК КПСС. Около открытой задней двери, заложив руки за спину, замер подтянутый оперативник в длинном кожаном пальто. Он внимательно окинул взглядом Александра, зафиксировал в его руке красную папку союзного Оргкомитета Игр и едва заметно, но уважительно наклонил голову.

Александр Орлов поправил воротник пальто, крепче сжал руку Галины и уверенным шагом направился к машине. Его подпольная империя выходила на высший номенклатурный уровень СССР. Столица ждала своего «Эксперта».

Глава 1. Столичный калибр

Тяжелая дверь «Чайки» захлопнулась с благородным, глухим звуком, полностью отсекая шум Комсомольской площади. Салон ГАЗ-14 встретил их запахом дорогого сукна, казенной чистоты и едва уловимым ароматом хорошего заграничного табака. Колька Смирнов осторожно опустился на просторный задний диван, бережно удерживая на коленях коробки с дефицитными кассетами *Betamax*, и замер, боясь пошевелиться.

— Ну и аппарат… — прошептал он, завороженно разглядывая шторки на окнах и массивную панель из натурального дерева. — Саш, нас точно в ЦК не расстреляют?

— Перестань суетиться, Коля. Это просто ведомственный служебный транспорт, — спокойно отозвался Александр Орлов, устраиваясь на велюровом сиденье рядом с Галиной.

Галя аккуратно поправила воротник своего мехового пальто. В её руках по-прежнему была зажата синяя кожаная папка с финансовыми отчетами ленинградского объединения. Её карие глаза внимательно изучали проносящиеся за стеклом панорамы заснеженной Москвы.

«Чайка» плавно, словно тяжелый крейсер, шла по Садовому кольцу, легко обгоняя редкие в этот ранний час желтые такси-«Волги» и бесформенные советские троллейбусы.

Столица жила в совсем другом темпе, нежели Ленинград. Масштаб проспектов, монументальность сталинских высоток и суета у станций метро — всё говорило о том, что объемы здешней ликвидности превышают питерские в десятки раз.

Машина свернула на широкую, залитую блеклым утренним солнцем улицу Горького и через пару минут мягко затормозила у массивного гранитного здания центрального Оргкомитета Олимпиады-80. У парадного входа дежурили двое милиционеров в безупречной форме, но стоило им увидеть номера Управления делами ЦК КПСС на нашей «Чайке», как они синхронно вытянулись в струнку и отдали честь.

Александр первым вышел на тротуар, перехватив поудобнее тяжелый портфель. Опыт кризис-менеджмента из 2026 года подсказал: столичная номенклатура встречает по одежке, а провожает по объему контролируемых фондов. Нужно сразу держать планку высшего руководства.

Внутри Оргкомитет напоминал гигантский, отлаженный, но наглухо забитый бюрократическими инструкциями муравейник. Ковровые дорожки, дубовые двери кабинетов с табличками «Главк», «Сектор снабжения», «Отдел распределения лимитов». Повсюду сновали референты с пухлыми папками переписки, а из приемных доносился непрерывный, звенящий стрекот пишущих машинок «Ятрань».

Александр уверенно поднялся на третий этаж, ведя за собой команду. Документ союзного Оргкомитета за подписью Лукьянова, лежавший в его кармане, открывал любые двери.

В просторной приемной Главного управления снабжения их встретила холеная секретарша с высокой прической «бабьетта», лениво листавшая дефицитный чехословацкий журнал мод.

— Товарищ Орлов? — она смерила Александра оценивающим взглядом из-под густо накрашенных ресниц. — Проходите. Член коллегии товарищ Мягков вас уже ждет. Но учтите, у него через пятнадцать минут селекторное совещание с Госпланом.

Александр толкнул тяжелую дубовую дверь и вошел в кабинет. За огромным Т-образным столом, заваленным грудами накладных и спецификаций, сидел грузный мужчина лет пятидесяти в дорогом сером костюме. Это был Валентин Сергеевич Мягков — типичный столичный чиновник высшего ранга, чья подпись определяла движение миллионов инвалютных рублей. При виде вошедших студентов он даже не поднялся, лишь лениво перевернул страницу документа.

— А, ленинградские назначенцы… — Мягков устало снял очки в золотой оправе и потер переносицу. — Садитесь. Лукьянов мне про вас все уши прожужжал. Экспериментальный хаб, новые методы учета, КГБ под боком… Всё это хорошо, Орлов. Но Москва — это не ваш провинциальный Зеленогорск. У меня тут по линии Министерства торговли план по вводу олимпийских гостиниц «Космос» и «Международная» трещит по швам. Финские фуры стоят на перегрузке неделями, потому что ведомства не могут поделить лимиты на шведские кабели и акустику. Бюрократия, Саша! Из-за каждой бумажки со штампом Госснаба приходится бегать в ЦК КПСС.

Александр сел в кожаное кресло напротив чиновника, по-

ложив номенклатурную папку прямо поверх его министерских накладных. Внутренний калькулятор рисков Орлова мгновенно считал проблему: столичная система снабжения была парализована отсутствием единого, оперативного центра управления. Чиновники просто боялись брать на себя ответственность перед Олимпиадой.

— Валентин Сергеевич, бюрократия — это просто неэффективный тайм-менеджмент и плохой контроль за дистрибьюторскими сетями, — ровным, ледяным тоном произнес Александр, глядя чиновнику прямо в глаза. — Если фуры стоят, значит, ваши склады работают по старинке. Мы со Свиридовым привезли из Ленинграда готовую, обкатанную схему. Мы создаем при Оргкомитете закрытую, автономную досугово-технологическую зону прямо на базе строящихся гостиниц. Под моим личным оперативным управлением. Весь импортный звук и видеотехника будут разгружаться там под видом «эксплуатационных испытаний». Без всяких согласований с Минторгом. Документы КГБ на прикрытие у меня готовы.

Мягков замер со звуком вдоха, и его холеное лицо вытянулось от изумления. Наглый питерский студент с ходу, в первые две минуты разговора, предложил ему схему, которая ломала всю ведомственную иерархию Москвы, но предлагала мгновенный выход из олимпийского кризиса.

— Погоди, Орлов… — Мягков судорожно сглотнул, косясь на закрытую дверь приемной. — Ты хоть понимаешь,

что ты сейчас предлагаешь? Обойти лимиты Госснаба? Да если об этом узнают в Идеологическом отделе ЦК КПСС, нас с тобой из этого кабинета прямо на Лубянку вывезут! Там такие акулы сидят, Саша, они твое КГБ на завтрак едят!

Александр цинично усмехнулся, плавно открывая замок своего портфеля:— Пусть узнают, Валентин Сергеевич. Когда мы покажем им чистую прибыль и готовые олимпийские объекты, сданные на три месяца раньше срока, они сами выпишут нам премии. Давайте ваши бланки. Пора переводить московское снабжение на стандарты будущего.

Орлов выложил на стол готовые спецификации. Первая, самая масштабная и опасная битва за рынки теневой и легальной столицы СССР официально началась.

Глава 2. Московские мажоры и космические масштабы

Строящийся гостиничный комплекс «Космос» на проспекте Мира поражал воображение. Огромное полукруглое здание из стекла и бетона, возводимое совместно с французскими специалистами, высилось над заснеженной Москвой футуристическим монументом. Вокруг суетились рабочие, ревели моторы грузовиков, но внутри закрытого VIP-блока, предназначенного для размещения иностранных судейских коллегий, царила тишина. Именно эту площадку Александр выбил у Мягкова под свой первый столичный хаб.

— Ну и размах, Саш… Тут же залов штук десять, не меньше, — Колька Смирнов восторженно крутил головой, прижимая к себе неизменный портфель с инструментами. — Если мы тут видеосалон развернем, это же не сорок мест, как в Зеленогорске. Тут сотню посадить можно!

— Полторы сотни, Коля. И по десять рублей за билет, — спокойно поправил его Александр, меряя шагами просторный холл с панорамными окнами, выходящими на ВДНХ.

Галина Свиридова аккуратно раскладывала на временном строительном столе чертежи коммуникаций.— Саша, по документам этот сектор числится как «Зал технического контроля акустических систем». По бумагам Оргкомитета всё

гладко, но Лариса передала из «Сайгона», что это место уже давно облюбовали местные.

Александр не успел ответить. Тяжелые пластиковые двери холла с грохотом распахнулись. В помещение уверенно, похозяйски зашли четверо молодых парней. На них были умопомрачительные, недоступные обычному советскому человеку шмотки: длинные дубленки из натуральной тосканской овчины, фирменные американские джинсы *Levi's*и шарфы с олимпийской символикой, которые еще даже не поступили в открытую продажу.

Возглавлял компанию высокий, холеный блондин с ленивым и надменным выражением лица. Он небрежно крутил на пальце ключи от новенькой «Лады-Ваз-2107» — редчайшего дефицита. Это был Гарик Токарев — сын высокопоставленного чиновника из Министерства внешней торговли СССР и негласный король фарцовщиков Смоленской площади.

— Так-так-так, — протянул Гарик, смерив Александра и Кольку презрительным взглядом. — И что это за провинциальные гастролеры тут у нас по углам шустрят? Слышь, шкет, ты чьих будете? Кто вам разрешил в «Космос» заходить? Это наша точка. Мы здесь со шведами и французами вопросы решаем.

Колька инстинктивно сделал шаг назад, бледнея. Московская «золотая молодежь» Смоленской площади разительно отличалась от питерских мажоров — за этими парнями стояли не просто директора баз, а союзные министерства и ди-

пломатическая неприкосновенность.

Александр даже не вытащил руки из карманов куртки. Его сорокалетняя харизма топового директора по закупкам из будущего мгновенно включила режим жесткого подавления конкурентов.

— Точка здесь была ваша, Гарик, — ледяным, свинцовым тоном произнес Александр, глядя мажору прямо в переносицу. — А с сегодняшнего дня здесь открывается **Ленинградское молодежное объединение «Олимп-Москва»**. Прямой приказ союзного Оргкомитета. Вся аппаратура, шмотки и валюта, которые вы тут крутите через французов, теперь подлежат полному учету.

Гарик Токарев от такой наглости аж поперхнулся, а его приятели угрожающе шагнули вперед, сужая кольцо.

— Ты чё, борзый такой, с Выборга прилетел? — процедил сквозь зубы один из амбаров в кожанке, поигрывая тяжелым заграничным зажигалкой *Zippo*. — Да мы тебя сейчас прямо с этого недостроя в Неву обратно отправим. Мой отец — замминистра, понял, деревня?

— Твой отец, комсомолец, завтра сам будет давать показания во Втором управлении КГБ, если ты сейчас не закроешь рот, — Александр плавно, без суеты вытащил из кармана и раскрыл бордовое удостоверение Оргкомитета Олимпиады-80 с золотым гербом СССР, выданное в Москве. — Я — Александр Орлов, заместитель руководителя Дирекции снабжения Игр. И этот объект находится под специальным

оперативным контролем Лубянки. Любое вмешательство в логистику олимпийского импорта расценивается как экономический саботаж союзного значения.

В холле загородного комплекса воцарилась звенящая тишина. Мажоры замерли, их наглые лица стремительно бледнели. Жирные министерские печати и грозная аббревиатура КГБ, завязавшаяся в словах Александра, подействовали на московскую элиту как ледяной душ. Они были готовы трясти обычных фарцовщиков, но лезть под каток Комитета из-за шведских шмоток дураков не было.

Гарик Токарев медленно опустил ключи от машины, его надменный лоск моментально испарился, уступив место ведомственному страху.

— Ладно, Орлов… Погорячились, — процедил он, пятясь

к выходу. — Но учти: Москва — город круглый. В ЦК КПСС у нашего министерства свои люди сидят. Мы проверим твою «Дирекцию снабжения». Пошли, парни.

Мажоры быстро выскочили из холла, хлопнув пластиковой дверью. Колька Смирнов обессиленно выдохнул, вытирая пот со лба.

— Сашка… Ты сумасшедший. Это же сын Токарева из Внешторга! Если они реально в ЦК стуканут?..

— Пусть стучат, Коля, — Александр цинично усмехнулся, застегивая замок папки Оргкомитета. — Пока они будут согласовывать свои кляузы по министерским кабинетам, мы запустим здесь первый сеанс «Звездных войн». Нам нужен огромный, лавинообразный поток столичных рублей, чтобы замять под себя всю розницу «Националя». Галя, готовь ведомости. В субботу мы открываемся.

Подпольный синдикат Александра Орлова сделал свой первый, сокрушительный выпад на территории Москвы. Но закупщик из будущего понимал: мажоры Смоленской площади — это лишь верхушка айсберга. Настоящие акулы из Идеологического отдела ЦК КПСС уже начали точить свои номенклатурные зубы, готовые перекусить хребет ленинградскому «Эксперту» при первой же проверке.

Глава 3. Премьера на Горького

Субботний вечер встретил Москву колючей поземкой, но у ярко освещенного неоном центрального входа в гостиницу «Интурист» на улице Горького было жарко. Массивные стеклянные двери то и дело пропускали внутрь солидных мужчин в каракулевых шапках-пирожках и холеных молодых парней в югославских дубленках.

Александр, вопреки первоначальным планам расширения в недостроенном «Космосе», просчитал риски и перенес первую столичную премьеру ближе к номенклатурному сердцу столицы — в закрытый спецблок «Интуриста». Здесь, под вывеской «Методического кабинета Оргкомитета Олимпиады-80», Колька Смирнов уже монтировал тяжелый импортный телевизор *Sony Betamax*и опутанные проводами японские колонки *Sharp*.

— Саш… Сашка, у нас катастрофа! — из полумрака аппаратной выскочил Колька, лихорадочно вытирая промасленные пальцы о штаны. Лицо у него было серое от паники. — Советская сеть просела! Наш понижающий трансформатор выдает прыжки до ста сорока вольт! Если японские платы сейчас сгорят, у нас сеанс накроется прямо перед детьми из Смоленской площади! Там в зале уже дочка замминистра сидит!

Александр спокойно подошел к столу, на котором сияла

хромированными тумблерами импортная видеодека. Внутренний директор по закупкам из XXI века заблокировал любые эмоции.

— Без паники, Смирнов. Зови Толика. Пусть перекинет фазу напрямую со щитовой интуристовского ресторана, у них там линия стабилизирована под немецкие холодильники, — ледяным тоном скомандовал Александр. — У тебя ровно пять минут. Зрители уже заходят.

В просторном зале, наглухо задрапированном тяжелым бордовым бархатом, яблоку негде было упасть. Сто сорок посадочных мест. И билет стоил не скромные питерские три рубля, а безумные, грабительские десять рублей за вход. Для обычного советского инженера это была десятая часть зарплаты, но для московской золотой молодежи, детей внешторговцев и референтов ЦК, это была цена пропуска в закрытый элитарный клуб.

Галина Свиридова стояла у входа, аккуратно принимая хрустящие красные червонцы и фиолетовые четвертные. Её синяя папка буквально пухла от денег. Столичная ликвидность оправдывала все ожидания Александра — за один этот вечер касса синдиката должна была пополниться на полторы тысячи чистых, неучтенных рублей.

Свет в зале плавно погас. В кастелянской щелкнул рубильник — Толик успел перебросить провод от ресторанной кухни, и стабилизатор выдал ровные, благословенные сто десять вольт. Экран гигантской японской *Sony* вспыхнул

глубоким, сочным синим цветом. Когда под оглушительный, чистый стереозвук колонок *Sharp*на экране поплыли золотые титры «Звездных войн», по залу пронесся коллективный, восторженный вздох. Московская элита, привыкшая к блеклым копиям советского проката, впервые видела спецэффекты мирового уровня.

Александр стоял в тени у входной двери, скрестив руки на груди. Вспышки экрана выхватывали из темноты завороженные лица мажоров. Первая столичная премьера шла к абсолютному, кассовому триумфу.

Сеанс подходил к концу, когда Александр заметил, как в коридоре у павильона зажглись тяжелые, уверенные огни. К дверям методического кабинета, мягко шурша шинами по свежему снегу, подкатил черный номенклатурный «ЗИЛ».

Из машины вышел грузный мужчина в строгом пальто с партийным значком на лацкане, а за его спиной маячили двое оперативников с тяжелыми, непроницаемыми лицами.

Александр почувствовал, как внутри включился холодный процессор анализа рисков. Из Москвы нагрянула проверка, которую он не заказывал. Номенклатурные игры Смоленской площади докатились до его порога гораздо быстрее, чем он рассчитывал.

Глава 4. Идеологический капкан

Тяжелая дубовая дверь методического кабинета распахнулась без предупреждения, когда на экране *Sony*Люк Скайуокер как раз заходил на финальную атаку Звезды Смерти. Звук японских колонок *Sharp*на мгновение заглушил грохот ворвавшихся шагов, но Александр, дежуривший у входа, среагировал мгновенно.

В холл спецблока размашисто зашел грузный мужчина лет пятидесяти пяти. Его седое, высеченное из гранита лицо не выражало ничего, кроме глухого номенклатурного презрения. На нем было безупречное темное пальто из генеральского сукна, а на лацкане пиджака тускло, но веско поблескивал золотой значок члена ЦК КПСС. Это был товарищ Строгов — гроза столичных досуговых ведомств и куратор Идеологического отдела. За его спиной, словно две тени, застыли крепкие оперативники в серых плащах.

— Прекратить этот балаган! Включить свет! — зычным, поставленным голосом снабженца сталинской закалки рявкнул Строгов, перекрывая акустику.

В зале с сухим щелчком вспыхнули потолочные люстры. Яркий, безжалостный свет мгновенно разрезал интригующий полумрак. Золотая молодежь Ленинграда и Москвы, сидевшая на скамьях, испуганно зажмурилась. Дочка замминистра внешторговли, сидевшая в первом ряду, инстинктив-

но вжала голову в плечи, пряча лицо в воротник югославской дубленки. Экран импортного телевизора продолжал сочно транслировать взрывы космических кораблей, но на него уже никто не смотрел.

— Товарищ Строгов, это закрытый ведомственный лекторий Оргкомитета… — Галина Свиридова попыталась сделать шаг вперед, на ходу прижимая к себе пухлую синюю папку с выручкой, но её голос дрогнул.

— Молчать, девка! — Строгов даже не посмотрел на неё, его круглые, холодные глаза зафиксировались на Александре. — Значит, вот ты какой, Орлов. Питерский выскочка, приехавший учить Москву коммерции. Лукьянов тебя прикрыл, Свиридов бланки подписал, а ты решил, что поймал бога за бороду? Привез сюда, в центр столицы, буржуазную отраву? Крутишь американскую пропаганду перед детьми ответственных работников за антисоветские рубли?

Строгов сделал два шага вперед, и его тяжелая номенклатурная ладонь с силой грохнула по бархатной скатерть стола, едва не смахнув видеодеку.

— Оперативники! — грозно скомандовал член ЦК. — Всю импортную аппаратуру под изъятие! Конфисковать к чертовой матери эти ваши «Сони» и «Шарпы»! Организаторов — под арест. Гражданин Орлов, твой комсомольский патент здесь не действует. Генеральная прокуратура и КГБ уже уведомлены о твоей подпольной лавочке. Завтра утром ты у меня будешь давать показания в Лефортово по статье за

идеологический саботаж и незаконные валютные махинации в особо крупных размерах. Руки за спину!

Один из оперативников в сером плаще сделал резкий шаг к Александру, вытаскивая из кармана тяжелые стальные наручники. Хромированная цепь зловеще блеснула под лампами интуристовского холла. Галя побелела как полотно, а Колька Смирнов в аппаратной беззвучно сполз на пол, понимая, что их столичный триумф только что превратился в расстрельное дело союзного масштаба. Капкан ЦК КПСС захлопнулся прямо под носом у закупщика из будущего.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.